

Братья Михалковы, Ван Клиберн и Евгений Стеблов.

Снявшись в фильме «Я шагаю по Москве», Евгений Стеблов проснулся знаменитым. Потом были фильмы «До свиданья, мальчики!», «По семейным

обстоятельствам» и другие. Работа в кино свела его со многими выдающимися артистами, режиссерами, сценаристами. Среди них Никита Михалков, Иннокентий Смоктуновский, Юрий Богатырев, Инна Чурикова, Виктор Павлов, Владимир Ивашов, Савелий Крамаров, Геннадий Шпаликов, Марина Влади... Долгие годы артист работает в Театре им. Моссовета. Здесь его партнерами были Ростислав Плятт, Леонид Марков, Любовь Орлова, Вера Марецкая, Фаина Раневская, Ия Саввина, Маргарита Терехова и другие.

Смешные и трогательные истории, связанные с этими людьми, вы найдете в книге Евгения Стеблова «Против кого дружите?», которая выходит в издательстве «Алгоритм».

НИКИТА

Самая большая дружба

Евгений Стеблов

ДНА из самых больших, а может быть, и самая большая дружба в моей жизни связывала меня с Никитой Михалковым. Мы и теперь дружны. Судьбы наши переплетены. Да, теперь мы скорее дружны памятью о том, что было меж нами. Дружны ностальгией. В повести «Возвращение к ненаписанному» вывел его Платошей. Сейчас я записываю мемуары. Как было. Как есть. Без вымысла.

ПРОСТЫЕ АКТЕРСКИЕ ПЛАНЫ

...И в студии Театра им. К.С. Станиславского, и на картине «Я шагаю по Москве» мы были знакомы, товариществовали, но не дружили. Дружба началась с «Переклички».

Известный сценарист Даниил Яковлевич Храбровицкий дебютировал в качестве режиссера кинокартиной «Перекличка». Директором фильма был Николай Миронович Слезберг. Личность примечательная. Бывший хозяин фирмы «Тульские самовары». Высокий, похожий на ге-

нерала де Голля, носил французские костюмы (сестра из Парижа присылала), говорил тонким голосом:

- Женя, у вас сколько комнат?

- Две.

У нас двадцать шесть было.
 Монгольское посольство теперь.
 Все свои капиталы Николай Ми-

Все свои капиталы Николай Миронович сдал Советам. Лично Дзержинскому. Феликс Эдмундович деньги оприходовал, спросил:

 А что же с таким состоянием за кордон не махнули?

Вы поляк, вы меня не поймете,
ответил Слезберг.

Он был «выкрест», крещеный еврей — православный. И Железный Феликс выписал ему мандат: «Подателя сего не трогать! Председатель ВЧК Дзержинский». И Николая Мироновича не арестовали. Ни в 37-м году, ни в 49-м во время борьбы с «космополитами».

Еще до начала съемок мне позвонил заместитель Слезберга:

- Куда вам машину прислать?
 В Щукинское училище. А куда ехать?
- На Кропоткинскую.
- Да там два шага, я сам дойду.Нет, не надо. За вами заедут.

(Окончание на стр. 14)

фильм социальный. Что делать - из-

Кончаловский - прославленный мас-

тер и все-таки недооцененный. Не было

бы его картин - не было бы целого по-

коления его последышей. Последышей

«Первого учителя», выпорхнувших из «Дворянского гнезда». И Никитиного «Обломова» тоже не было бы. И когда

Никита снимал во ВГИКе свой первый

пятичастный фильм по моему сцена-

рию, он находился под благородным

влиянием «Аси Клячиной». Тоже сни-

мал в одной из главных ролей не артис-

та – капитана портового крана из Ялты.

Снимал метолом провокаций. Иногда

этот удивительный человек - смесь

Альберто Сорди с Борисом Андреевым

- просто считал до десяти на крупном

плане, а я затем сочинял ему текст за

монтажным столом, вкладывая в его ус-

та новый смысл. В результате сыграл он

прекрасно и очень переживал, когда все

- Куда же я теперь, Никита Сергее-

Втянулся, бедный, в «заразу» актер-

Никита перешел на режиссерский

Или ты учишься, или снимаешься!

И Никита ушел. С ним так нельзя -

языком ультиматумов. Он так не может.

Еще учась на актерском, он сделал пер-

вую режиссерскую пробу. Поставил как

самостоятельную работу отрывок из «Петра Первого» Алексея Толстого. И

сам сыграл Петра. Никитин дедушка по

материнской линии Петр Кончалов-

ский дружил с Алексеем Толстым. Оба

были большие гурманы. И Никита рас-

сказывал, как соревновались они в изготовлении специальных резцов для

Первый свой фильм Никита снял не

по моему сценарию, а по моему расска-

зу. Сценарий написали мы вместе. Но

он оставил в титрах в качестве сценари-

ста только меня. Сюжет навеялся мне:

крымская экспедиция «До свиданья,

ветчины. Кто тоньше нарежет.

факультет ВГИКа после второго курса

Щукинского училища. Наш ректор Бо-

рис Евгеньевич Захава сказал ему:

закончилось:

держки марксистского менталитета.

(Окончание. Начало на стр. 9) Приехал «ЗИС-110» - начальствен-

ная машина сталинских времен. Через пять минут привезли меня в многонаселенную коммуналку, в комнаты Слезберга, обставленные екатерининской мебелью. Столик карельской березы сервирован дорогим фарфором. Парадные кресла друг против друга. Как на переговорах в Кремле. Николай Миронович по-светски радушно встречает:

- Как доехали? Слава Богу! – отвечаю.

- Присаживайтесь... Хорошая пого-

- Да. Потеплело.

Чай. Не стесняйтесь, прошу вас. Конфеты, печенье.

Спасибо.

 Ну что же, приступим к делу. Работа предстоит тяжелая. Белорусский город Борисов - танковая столица под Минском. Полтора месяца. Режим в основном ночной. За всю роль мы предлагаем аккорд в сумме... - Николай Миронович называет цифру. Пауза. Я опускаю глаза. Переспра-

шиваю ту же цифру с вопросом. Слезберг без паузы увеличивает ее в полтора раза. Я соглашаюсь, купленный его щедростью на корню.

 Переделайте, – бросает он заместителю, стоящему за его спиной по правую руку чуть согнувшись. Тот разрывает приготовленный в ру-

ках договор, пишет новый. Контракт подписан.

Позже я понимаю, что на меня было заложено в смете в два раза больше. Но я очарован. Он не торгуется. Он хозяин фирмы «Тульские самовары». Капиталист по сути и по манере. Он не ловчит - он предвидит. Однажды после отснятой тяжелой драматической сцены он встречает меня в коридоре гостиницы:

- Женя, вы прекрасно сыграли. Зай-

Захожу. Его супруга, бывшая балерина, предлагает бульон с пирожком собственного приготовления (вечерами они с Николаем Мироновичем играли в порнографические карты и пили бульон. Она гордилась, что он еще нравится молоденьким женщинам и они ему тоже).

- Это вам, Женя.

Он протягивает мне конверт. – Что это?

- Прибавка - деньги. Я плачу артисту столько, сколько он стоит!

Николай Миронович никогда не экономил на людях. Он считал, что для этого есть дрова.

цати от города снимали довольно простые актерские планы, но осложненные операторскими спецэффектами. Приехав на площадку, мы с Никитой залегли в свой «игровой» танк и обнаружили там молоденькую девушку. Кто привез ее и припрятал, она не сознавалась. Первым снимался я. Выглялело это следующим образом: я высовывался по пояс из верхнего люка и говорил свой текст. Со спецэффектами что-то не очень клеилось, пришлось повозиться. Но это все наверху, с наружной стороны, а внизу, внутри, в танке Никита крутил шашни с очаровательной гостьей. Меня отсняли. Пришел Никитин черед работать. Теперь он вылезал из люка, а я, как мог, утешал незнакомку... Тем временем один из осветителей бегал вокруг и тихо стучал по общивке брони:

Люся, вылезай! Вылезай, я сказал! Но Люся совсем неплохо устроилась и не собиралась менять киногероев на осветителя. А он до смерти боялся, что мы пожалуемся на него Слезбергу. Тогда конец - вышлет из экспедиции. Хозяин фирмы «Тульские самовары» терпеть не мог путать дело с безделицей.

Лля съемок фильма мы проходили в свободное время краткий курс танкиста. Учились водить наш «Т-34», стреляли боевыми зарядами 75-миллиметрового калибра с капсульным взрывателем. Когла велешь танк, кажется, что «нам нет преград ни в море, ни на суше»! После стрельбища протрешь ветошью пушку, прыгнешь в «газик» и, поднимая пыльное облако над танкодромом, едешь обедать в столовую для рялового состава. Чувствовали себя настояшими мужиками, воинами, пока один из офицеров не посоветовал:

Кушали бы с офицерами.

Нет, мы с солдатами! Вместе хотим. - Ну, смотрите, напрасно. Им ведь

Зачем?

соду в харчи подсыпают.

Евгений Стеблов и Никита Михалков. Кадр из фильма «Я шагаю по Москве». 1964 год.

FINKINA A

Давай дружить! Так началась наша дружба. Я этого

НАСТЯ ВЕРТИНСКАЯ ВЫБРАЛА МИХАЛКОВА

У нас в группе была гримерша. По Однажды ночью километрах в двад- натуре несколько рассеянная и мечтательная. Поклонница знаменитого эстонского певца Георга Отса. Постоянно выжигала паяльником по дереву его портреты. Случилось так, что она забыла прихватить на съемку глицерин, которым делается пот.

- Ничего, мальчики, я сейчас разведу сладкой водички и нанесу вам тампоном на лица. Водичка подсохнет и лица будут блестеть под глицерин. Не возвращаться же за ним на базу. Ночь-полночь — киселя хлебать. Уж вы не выдавайте меня!

Мы согласились. В этот раз работали с танком, в броне которого были вырезаны специальные отверстия для камер. Предстояло снимать сцену боя, стрелять боевыми зарядами весом двадцать пять килограммов. Пушка в том танке не стреляла с войны. Военный консультант картины генерал-лейтенант Иванов привязал веревку к гашетке, лег за сто метров в окоп, где находилась вся группа, включая режиссера и оператора, дернул веревку - пушка выстрелила.

Порядок. Можно работать.

Чтобы не рисковать лишний раз, снимали сразу три дубля с трех камер. Я сам хлопнул хлопушкой, взял из креплений снаряд с капсульным взрывателем, послал его в затвор, крикнул Никите через ларингофон в шлемофоне: - Готово!

Он покрутил триплекс-прицел, отве-

- Огонь! - И нажал гашетку.

Раздался оглушительный выстрел. В глазах дым, во рту земля. Ее засосало взрывной волной через отверстия для камер. Из-за них танк оказался разгерметизированным. Все бегут из окопа к нам. Вылезаем из люка. Чувствуем себя героями. Раздается еще один взрыв. Взрыв смеха. Оказалось, сладкая вода высохла, и наши небритые лица стали похожи на засахаренные марципановые булки. Пришлось перегримировывать-

Те же, спустя много лет.

комнату, заперли дверь. - Быть или не быть? Вот в чем во-

прос, - задумчиво, со слезой произнес Раздевайся.

Парень был видный. Она разделась. Он оглядел ее и решил:

 Ты – Офелия. Я тебя рисовать буду! К сожалению, так часто случается в творческих вузах - безумие принимают за талант. После роли Офелии в фильме Григория Козинцева Д. стал преследовать Настю Вертинскую, угрожать и ей, и Никите. Говорил, что убьет ее, себя и его. И если бы не Настина мама, которой удалось изолировать Д. в психлечебницу, еще неизвестно, чем бы все кончилось. Вскоре у Насти с Никитой

метра три в гору. Пытались шутить, но не всегда удачно, так как протрезвели вконец, разом. Я порвал новый костюм. Только надел. Обидно. Я тогда не зря трусил. Я был в «самоволке», без документов, в районе правительственных дач, рядовой «команды актеров военнослужащих Центрального театра Советской Армии». А тут, как говорится, в каждом дупле - телефон спецсвязи. Всю ночь Никита заботливо промывал и залечивал раны и мне, и себе. А рано утром, «подбитый», без прав, он мчался на чужом мотоцикле по той же трассе на мост по Рублевке. В Москву. По Кутузовскому проспекту. По Садовому. В центр. И никто не остановил его за превышение скорости на правительствен-

МХАТе) и согласилась. Вошли в его как бурлаки, за собой мотоцикл. Кило- мальчики!» Повествование шло от первого лица. Это лицо - мое лицо - в картине сыграл Сергей Никоненко. Главную женскую роль сделала Татьяна Конюхова. Фильм назывался «А я уезжаю домой». Числился он курсовой работой Никиты и дипломной работой очень хорошего оператора Игоря Клебанова. Впервые в конечном варианте я увидел эту картину в маленьком просмотровом зале монтажного цеха «Мосфильма». Я плакал. Я понял, что друг мой Никита талантливый режиссер. Там, на экране, впервые возник его киномир. Мир, подаривший нам «Пять вечеров», «Неоконченную пьесу для механического пианино», «Ургу»... Сергей Соловьев говорил мне, что видел нашу картину во ВГИКе и был потрясен, не ожидая та-

кинопритчей, которую приняли за щим друга в соседней усадьбе. Два-три дня гостил у Никиты, потом в Ивановское, к себе. Опять к Никите. Снова к

> Марина Влади и художник Коля Двигубский как-то заехали на Николину к Михалковым. Никита купил барана по случаю у деревенского парня. Шашлык восхитительный получился в камине словно в горах среди бабочек и цветов. Марина тогда еще не была с Высоцким. Она снималась у Сергея Юткевича в картине о Чехове, играла Лику Мизинову. Обаятельная, рассудительная, в очках, совершенно не походила на свою колдунью из знаменитого фильма. Завели музыку. Твист. Марина предложила мне танцевать. Я сказал: «Не хочется», потому что стеснялся. Марина, похоже, не привыкла, чтоб ей отказывали. и самолюбиво, по-женски употребила на меня специальное время. Я сдался и твистовал вместе с ней, как мог. Спать разошлись далеко за полночь. Поутру вавтракали на веранде: Никита, я и Сергей Владимирович. Несколько позже появилась Марина. Двигубский уже уехал рано в Москву с Андроном, который приехал накануне довольно поздно, и мы его не видели. За столом все молчали, чувствуя неловкость оттого, что пол глазом у Марины был синяк. Спросить ее никто не решался. Но то был синяк от удара или ушиба. Что произошло - никто ничего не понимал. Наконец заговорила Марина. Она была крайне раздражена:

Как вы можете, Сергей Владимирович! Вы - известный писатель, общественный деятель. В Европе, вообще в цивилизованном обществе это выглядит дикостью! Антисемитизм - дикость и атавизм! Вы антисемит!

Сергей Владимирович был явно ошарашен и видом Марины, и ее монологом. После ее ухода он еще помолчал некоторое время, а потом сказал:

Во то-то-то-тоже. Приехала – ест,

п-п-п-пьет и еще оскорбляет! Позже выяснилось, что столь резкий выпад Марины объяснялся каким-то нелицеприятным высказыванием Сергея Владимировича во французском посольстве в адрес Лили Брик. Но происхождение синяка осталось неясным.

«ОНА СКАЗАЛА, что не любит меня...»

Все-таки больше всего на свете мне нравится писать. Только ты, перо и бумага. Никаких посредников. Ни режиссера, ни партнеров, ни драматурга. Я даже времени не замечаю, когда пишу. А пишу редко, крайне редко. Какой-то ступор овладевает мной. Ах, если бы я был графоманом! Если бы ни дня без строчки!.. Нет же, не получается. Мне обязательно нужно, чтобы кто-нибудь меня заставлял, принуждал или же я сам себя связал каким-нибудь обязательством. Жестко. Когда с Никитой работали, он не давал мне ни спуску, ни продыху. Почти каждый день собирались у него дома. И независимо от того, «шло» или «не шло», шли потом в Дом кино (старый Дом кино), который находился во дворе, под окнами. Прорывались на какую-нибудь кинопремьеру. Или же отправлялись в ресторан.

П-п-пить идете, п-п-подонки? как-то спросил Сергей Владимирович, непонятно — всерьез или нет.

- Пап, ну что ты говоришь? Женя почти не пьет, да и я не злоупотребляю, - улыбнулся Никита.

- А ты молчи. 3-з-зайка-зазнайка! 3з-зайка-зазнайка! - ответил отец. Удивительным образом в Сергее Вла-

димировиче сочетается изощренность государственного мужа с неподдельной детскостью натуры, звучащей в его сти-Наталья Петровна Кончаловская

как-то призналась мне, что известные строчки «в этой речке утром рано утонули лва барана» сама подсказала Михалкову после семейной ссоры. Наталья Петровна - мудрая женщина, человек большой культуры. Ее авторитет и для Никиты, и лля Анлрона был непререкаем. Она многое прощала, держала семью. Веровала. Царствие ей небесное!

Итак, мы шли в ресторан. Рестораны Дома литераторов, Дома композиторов, Дома кино, Дома журналиста, Дома архитектора, Дома актера, Центрального Дома работников искусств, Дома ученых, «Прага», «Арагви»... И география, и биография нескольких поколений творческой интеллигенции - Она сказала, что не любит меня..

Я еще не любил тогда. Только влюблялся. Не мог разделить, ответить на эту боль. Но я не забуду. Я видел ее в его глазах. Так они разошлись, Никита и Настя. Два сильных характера. Они были обречены. Настя с ребенком еще некоторое время жила в семье Михалковых. Никита ушел жить в комнату, в коммуналку, к Сереже Никоненко. Помню эту ступенчатую квартиру, это арбатское житье-бытье и узнаю его в фильме «Пять вечеров».

«ТЫ И ЧЕРЕЗ МЕНЯ ПЕРЕСТУПИШЬ...»

Со временем Михалковы вступили в актерский кооператив на улице Чехова. Никита получил однокомнатное жилье. Настя со Степой – двухкомнатное на другом этаже. Со временем их любовь трансформировалась в любовь

к сыну. Никита предлагал мне уйти из театра. работать с ним. Но я не решился. Театр казался мне чем-то прочным и постоянным, кино – уравнением со многими неизвестными. Теперь думаю, что просто стал психологически уставать от него. От Никиты. С одной стороны, он человек чрезвычайно притягательный. С ним всегда праздник. Жить хочется. У нас схожее чувство юмора. Наши мироощущения близки, по глазам понимаем друг друга. С другой стороны, в умозаключениях можем не совпадать. К тому же я человек «отдельный». Мне всегда нужна внутренняя автономия - как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Меня можно увлечь, но увести от себя невозможно. Где сядешь, там и слезешь. Это помимо меня происходит, свыше И даже порой к моему огорчению. Мы поругались. О чем-то спорили, не помню о чем.

 Тебе надо будет – ты и через меня переступишь, – сказал я ему. Казалось, он вжался спиной в коридорную стенку между прихожей и кабинетом Сергея Владимировича. В глазах у него слезы

выступили, и он ответил: Переступлю!

Я уходил от него по улице Поварской (тогда Воровского). Я обернулся, почувствовал взгляд. Он смотрел на меня из окна, сверху, с последнего этажа... Никита позвонил через день, вечером. Мы продолжали работать за монтажным столом на «Мосфильме». Заканчивали «А я уезжаю домой», его первый фильм. Но что-то надорвалось между нами. Постепенно мы отдалились. Потом его «загребли» в армию, в морскую пехоту, на Дальний Восток...

Не сразу я понял, что был не прав. Не сразу. Прошло время. Мой ортодоксальный идеализм был только преддверием. Вера еще не пришла. «Не суди и не судим будешь!» А я судил. Предъявлял жесткий счет. Особенно тем, кого любил. Прижимал к стенке. Загонял в угол. Когда пришел срок переосмыслить, я извинился перед Никитой. От-

«Рабу любви» снимали в Одессе. Я

играл Канина — звезду немого кино. Роль небольшая. Требует яркости. Когда роль идет через всю картину, есть пространство для маневра, для нюансов, штрихов, ритмических построений. Локальная роль - любовь с витию. Впечатление возникает, как вспышка. Зритель сразу должен принять тебя. У Никиты существовал прототип этого персонажа, герой-любовник немого кино Витольд Полонский. А я вспомнил Слезберга, его тонкий голос. Мне хотелось несоответствия внешних ланных внутреннему содержанию. Скрытой трагедии, выраженной в смешном. С таким голосом нечего делать в звуковом кино. Мой Канин понимал это, оправдывался, сочинял: «Раньше я обладал приятным баритоном... Потом простудился, пришел в кино». К тому же я сделал Канина «голубым». То была моя ироничная «месть» Виктюку, его тогда еще скрытому «гормональному» театру. Роман репетировал со мной пьесу Арбузова «Вечерний свет». Ни пьеса, ни роль мне не нравились. Роман репетировал на гастролях нашего театра во Львове и ставил палки в колеса, на съемки не отпускал. Картина стала событием. И я получил совершенно неожиданный пля себя успех.

Ну что там? Шутка, импровизация. Приехал с женой на неделю в Одессу, пояписан.

Позже я понимаю, что на меня было заложено в смете в два раза больше. Но я очарован. Он не торгуется. Он хозяин фирмы «Тульские самовары». Капиталист по сути и по манере. Он не ловчит - он предвидит. Однажды после отснятой тяжелой драматической сцены он встречает меня в коридоре гостиницы:

Женя, вы прекрасно сыграли. Зай-

Захожу. Его супруга, бывшая балери-

на, предлагает бульон с пирожком собственного приготовления (вечерами они с Николаем Мироновичем играли в порнографические карты и пили бульон. Она гордилась, что он еще нравится молоденьким женщинам и они ему тоже).

- Это вам, Женя.

Он протягивает мне конверт.

– Что это? Прибавка — деньги. Я плачу артисту столько, сколько он стоит!

Николай Миронович никогда не экономил на людях. Он считал, что для

этого есть дрова. Олнажды ночью километрах в двадцати от города снимали довольно простые актерские планы, но осложненные операторскими спецэффектами. Приехав на площадку, мы с Никитой залегли в свой «игровой» танк и обнаружили там молоденькую девушку. Кто привез ее и припрятал, она не сознавалась. Первым снимался я. Выглядело это следующим образом: я высовывался по пояс из верхнего люка и говорил свой Со спецэффектами что-то не очень клеилось, пришлось повозиться. Но это все наверху, с наружной стороны, а внизу, внутри, в танке Никита кругил шашни с очаровательной гостьей. Меня отсняли. Пришел Никитин черед работать. Теперь он вылезал из люка, а я, как мог, утешал незнакомку... Тем временем один из осветителей бегал

Люся, вылезай! Вылезай, я сказал! Но Люся совсем неплохо устроилась и не собиралась менять киногероев на осветителя. А он до смерти боялся, что мы пожалуемся на него Слезбергу. Тогла конец - вышлет из экспелиции. Хозяин фирмы «Тульские самовары» терпеть не мог путать дело с безделицей.

вокруг и тихо стучал по общивке брони:

Для съемок фильма мы проходили в свободное время краткий курс танкиста. Учились водить наш «Т-34», стреляли боевыми зарядами 75-миллиметрового калибра с капсульным взрывателем. Когда ведешь танк, кажется, что «нам нет преград ни в море, ни на суше»! После стрельбища протрешь ветошью пушку, прыгнешь в «газик» и, поднимая пыльное облако над танкодромом, елень обелать в столовую для рялового состава. Чувствовали себя настояшими мужиками, воинами, пока один из офицеров не посоветовал:

Кушали бы с офицерами.

Нет, мы с солдатами! Вместе хотим. - Ну, смотрите, напрасно. Им ведь соду в харчи подсыпают.

Зачем?

От женщин, для облегчения.

Мы играли войну, мы играли в войну. Как человек совершает подвиг? Сознательно или бессознательно? Я считал бессознательно, порывом, повинуясь нравственному инстинкту. Никита, напротив, был того мнения, что только осознанно. Спорили, горячились, доходили до высокого пафоса.

За родину! Для родины! — возражал я ему. - А что ты знаешь об этой самой родине. Ты вообще жизни не знаешь. Вырос в аквариуме. А туда же... Тоже мне горьковский Цыганок - взвалил на себя крест. Смотри, как бы не придавило. На смерть-то идут без громких слов. Трусят порой, а идут. Вот это и есть по-

И если бы не Шавкат Газиев, таджикский актер, механик-водитель нашего танкового экипажа, то Бог знает, чем это могло бы кончиться, потому что Никита уже медленно приподнялся с постели, чтобы ударить меня. Я это почувствовал.

- Эй, эй! Ребята, ребята! - развел нас Шавкат.

И я ушел из Никитиного номера, где происходил такой разговор, ушел к себе. Сел за стол. Открыл тетрадку и запи-

Я к вам пришел, чтобы умыться в купели горькой чистоты, Чтобы в другого окреститься.

Другой, я знаю, это ты. Кто ты? Я сам. Я этот нищий, который просит у тебя

Поджечь его же пепелище, но подаятель тоже я. А вы? Вы совесть и свидетель,

толкающий меня к себе. Вы пред собой и мной в ответе

за то, что вы открыли мне! Было два часа ночи. Я лег спать. И ни тогда, ни теперь так до конца и не понял. что написал. Утром во дворе гостиницы я смотрел, как осветители играли в футбол. Подошел Никита. Тихо скаЕвгений Стеблов и Никита Михалков. Кадр из фильма «Я шагаю по Москве». 1964 год.

HIAHAIA

Давай дружить! Так началась наша дружба. Я этого никогда не забуду.

настя вертинская выбрала михалкова

У нас в группе была гримерша. По натуре несколько рассеянная и мечтательная. Поклонница знаменитого эстонского певца Георга Отса. Постоянно выжигала паяльником по дереву его портреты. Случилось так, что она забыла прихватить на съемку глицерин, которым делается пот.

- Ничего, мальчики, я сейчас разведу сладкой водички и нанесу вам тампоном на лица. Водичка подсохнет и лица будут блестеть под глицерин. Не возвращаться же за ним на базу. Ночь-полночь - киселя хлебать. Уж вы не выдавайте меня!

Мы согласились. В этот раз работали с танком, в броне которого были вырезаны специальные отверстия для камер. Предстояло снимать сцену боя, стрелять боевыми зарядами весом двадцать пять килограммов. Пушка в том танке не стреляла с войны. Военный консультант картины генерал-лейтенант Иванов привязал веревку к гашетке, лег за сто метров в окоп, где находилась вся группа, включая режиссера и оператора, дернул веревку - пушка выстрелила.

- Порядок. Можно работать. Чтобы не рисковать лишний раз, снимали сразу три дубля с трех камер. Я сам хлопнул хлопушкой, взял из креплений снаряд с капсульным взрывателем, послал его в затвор, крикнул Никите через ларингофон в шлемофоне:

Он покрутил триплекс-прицел, отве-

- Огонь! – И нажал гашетку.

Раздался оглушительный выстрел. В глазах дым, во рту земля. Ее засосало взрывной волной через отверстия для камер. Из-за них танк оказался разгерметизированным. Все бегут из окопа к нам. Вылезаем из люка. Чувствуем себя героями. Раздается еще один взрыв. Взрыв смеха. Оказалось, сладкая вода высохла, и наши небритые лица стали похожи на засахаренные марципановые булки. Пришлось перегримировываться, переснимать. И я уронил 25-килограммовый снаряд с капсульным взрывателем, но он упал на тряпки, на ветошь и не взорвался. Так Господь сохранил нас с Никитой и дал мне возюжность писать эти строки.

В другой раз мы купили новые спиннинги и поехали на рыбалку. Грузовик, который мы голоснули, перевернулся в пути. К счастью - лишь набок. Никита успел выпрыгнуть из кузова, а я уцепился за борт и так и остался, не сразу поняв, что случилось. Опять Бог уберег.

Никита тогда уж любил, я еще нет. Он любил Настю Вертинскую. Андрей Миронов тоже сватался к ней, но она выбрала Михалкова. Он победил. Он всегда стремился к победе. Это всегда для него было очень важно. На пышной, многолюдной свадьбе в гостинице «Националь» Паша - дачный домоуправитель Михалковых - пафосногромогласно выдохнул: «За любовь!..» И начались будни. Счастливые будни. Во всяком случае, так мне казалось, когда я приходил к ним в гости в однокомнатную квартиру, недалеко от метро «Аэропорт». Настя пекла оладьи и подводила глаза «под Вертинскую», если собиралась «на выход». Тогда многие девушки красились «под Вертинскую». «Алые паруса», «Человек-амфибия», «Гамлет» принесли Насте огромную популярность. Они учились вместе с Никитой на одном курсе Шукинского училища, а я на курс старше. С ними на курсе учился парень. Назовем его Д. Его даже выбрали старостой курса. То есть администрация видела в нем опору - надежность и организованность. Но у него была тайная страсть - мечтал сыграть Гамлета. Произвеление знал почти наизусть. Раз в общежитии он позвал с кух-

- Пойдем ко мне. Я тебе «Гамлета» почитаю. Монолог.

ни девушку:

Она не знала его (училась в другом

Те же, спустя много лет.

Еще учась на актерском, он сделал пер-

вую режиссерскую пробу. Поставил как

самостоятельную работу отрывок из

«Петра Первого» Алексея Толстого. И

материнской линии Петр Кончалов-

были большие гурманы. И Никита рас-

сказывал, как соревновались они в из-

готовлении специальных резцов для

Первый свой фильм Никита снял не

по моему сценарию, а по моему расска-

зу. Сценарий написали мы вместе. Но

он оставил в титрах в качестве спенари-

ста только меня. Сюжет навеялся мне:

крымская экспедиция «До свиданья,

ветчины. Кто тоньше нарежет.

ский дружил с Алексеем Толстым. Оба

сам сыграл Петра. Никитин дедушка по

комнату, заперли дверь.

- Быть или не быть? Вот в чем вопрос, - задумчиво, со слезой произнес

Раздевайся

Парень был видный. Она разделась. Он оглядел ее и решил:

Ты - Офелия. Я тебя рисовать булу! К сожалению, так часто случается в творческих вузах - безумие принимают за талант. После роли Офелии в фильме Григория Козинцева Д. стал преследовать Настю Вертинскую, угрожать и ей, и Никите. Говорил, что убъет ее, себя и его. И если бы не Настина мама, которой удалось изолировать Д. в психлечебницу, еще неизвестно, чем бы все кончилось. Вскоре у Насти с Никитой родился Степа. Очаровательный мальчик, но я немножко робел перед ним. В нем сразу был виден начальник, хотя он еще и говорить не умел.

Как-то под вечер на даче Михалковых, что на Николиной Горе, мы с Никитой пили водку и рассуждали о старой России. Никита называл меня «очаровательный принц Щ.». Я мечтательно рассуждал о жизни в усадьбе, о крепостных девушках с крыжовенным вареньем. Теперь в «Неоконченной пьесе для механического пианино» или в «Обломове» узнаю те наши «помещичьи грезы». Когда мы уже изрядно выпили, приехал на мотоцикле «Ява» внук Корнея Ивановича Чуковского Митя. Он присоелинился к застолью, к беселе. Василелись. И уже далеко за полночь Никита предложил:

Поехали!

Куда? Поехали!

Он сел за руль. Митя возражал. Фанат мотоцикла, он понимал, чем это могло кончиться. Но Никита не унимался. Он

должен рулить - и все! Чуковский сел за Никитой, а я за ним. Думаю: в случае чего встану на землю, и «Ява» выедет из-под меня. Маленько трусил. Уже выезжая с участка, путались в трех соснах. В буквальном, не в переносном смысле. Митя все же уговорил Никиту. Сам сел за руль. И сорвались, погнали через поселок к мосту. К Москве-реке. Заборы мелькали. Недалеко от санатория ЦК партии «Сосны» на повороте рванули по лугу к берегу. И не вписались - летим вверх тормашками, через руль - Митя. Я соскочил, как и думал, но зацепило, проволокло. Никиту ударило, придавило меж ног раскаленным картером «Явы». Я подбежал в испуте, оттянул мотоцикл, освободил его. Слава Богу, Митя встал сам. Отделался ушибом руки. В общем, нам повезло. Обратно оборванинституте, то ли в ГИТИСе, то ли во ные, побитые и окровавленные тянули,

метра три в гору. Пытались шутить, но не всегда удачно, так как протрезвели вконец, разом. Я порвал новый костюм. Только надел. Обидно. Я тогда не зря грусил. Я был в «самоволке», без документов, в районе правительственных лач, рядовой «команды актеров военнослужащих Центрального театра Советской Армии». А тут, как говорится, в каждом дупле - телефон спецсвязи. Всю ночь Никита заботливо промывал и залечивал раны и мне, и себе. А рано утром, «подбитый», без прав, он мчался на чужом мотоцикле по той же трассе на мост по Рублевке. В Москву. По Кутузовскому проспекту. По Садовому. В центр. И никто не остановил его за превышение скорости на правительственном пути. Удивительно, но бывает же такое! Ведь он опаздывал на крестины своего сына. Бог миловал.

ЯЗЫК УЛЬТИМАТУМОВ — НЕ ДЛЯ НЕГО

Никита убеждал меня, что я должен писать. Кое-какие ранние опыты я показал ему. Он говорил, что вкалывать нужно с утра до ночи, а не время от времени, когла найдет вдохновение. Я же считал, что задницей ничего не высидишь. Тем не менее дома у Михалковых среди уникальных картин сидели мы Прадед Суриков, дед Кончаловский... Такое родство постоянно обязывает к собственным достижениям. Мол, не ударь в грязь лицом. А рядом Андрон, старший брат, его друг и соавтор Андрей Тарковский.

Андрон и Никита всегда были очень привязаны друг к другу, несмотря на различия в их характерах, взглядах. Никита эмоциональнее, сентиментальнее, громче, красочнее и мощнее. Андрон рассудительнее, рефлексивнее, глубже, тише, демократичнее. Никита - патриот, почвенник. Андрон - запалник, человек мира. Воля уобоих железная. Не всякий сможет, как Андрей Сергеевич Кончаловский, народный артист России, один из первых режиссеров страны, уже снявший «Первого учителя», «Дворянское гнездо», «Дядю Ваню», «Асю Клячину», «Романс о влюбленных», «Сибириаду», бросить все, уехать и сделать карьеру в Америке, в Голливуде. С нуля. С ничего. Не всякий сможет. Теперь вот вернулся. Можно сказать, «возвращение Одиссея». Многие ругали его за фильм «Курочка-Ряба», обвиняли в снобизме, в презрении к родному народу, в издевательстве над нашей деревней. Показывает, мол, алкоголиками и

МХАТе) и согласилась. Вошли в его как бурлаки, за собой мотоцикл. Кило- мальчики!» Повествование шло от первого лица. Это лицо - мое лицо - в картине сыграл Сергей Никоненко. Главную женскую роль сделала Татьяна Конюхова. Фильм назывался «А я уезжаю домой». Числился он курсовой работой Никиты и дипломной работой очень хорошего оператора Игоря Клебанова. Впервые в конечном варианте я увилел эту картину в маленьком просмотровом зале монтажного цеха «Мосфильма». Я плакал. Я понял, что друг мой Никита талантливый режиссер. Там, на экране, впервые возник его киномир. Мир, подаривший нам «Пять вечеров», «Неоконченную пьесу для механического пианино», «Ургу»... Сергей Соловьев оворил мне, что видел нашу картину во ВГИКе и был потрясен, не ожидая такого от артиста Никиты Михалкова. Так что я честно пишу, не хвастаю. Начальство ВГИКа встретило фильм в штыки, увидело там что-то зловредное официальному курсу. Даже искало меня, требовало на ковер, но тщетно.

Ильичу Ромму. Ему понравилось.

сил Михаил Ильич, когда свет зажегся. - Он сценарист, это он написал, - от-

смотрел на меня. Я этот взгляд запомнил. Мудрый, пронзительный. Где теперь этот фильм? Только Бог велает ла Никита. Говорят, что оставил его финнам в Финляндии, когда лекции там читал. Ну и Господь с ним.

как вам не стыдно

предлагал написать для него сценарий, но я стал писать детектив с Никитой. По мотивам судьбы его дяди, родного брата Сергея Владимировича. Он воевал, попал в плен, бежал, выдал себя за немецкого офицера, так как с детства знал немецкий язык в совершенстве, «Барьер». Хороший, крепкий сценарий, стать фильмом. Начинался брежневчастности, уже не могла быть реализодаче. Моя семья арендовала дом километрах в десяти от Николиной Горы, в деревне Ивановское. По проселку, вепосипелом через лес мимо клалбища тропкою над рекою, крутым откосом, рядом с храмом, что на высоком обрыве, по лугу, по асфальту, к санаторию «Сосны», к Никитиной даче. К вечеру, деградантами простых сельских труже- на закате или утром ни свет, ни заря ников. А я позвонил ему и поздравил с прекрасной работой, с замечательной ским дворянином, верхом навещаю-

Никита показал работу Михаилу А что тут Стеблов делает? - спро-

ветил Никита.

Михаил Ильич долго и пристально

Молодой режиссер Коля Губенко опять оежал... Сценарии назывался но без открытий. Ему не суждено было ский застой, и тема плена, концлагеря в ванной. «Барьер» мы писали летом, на

Как вы можете, Сергей Владимирович! Вы – известный писатель, общественный деятель. В Европе, вообще в цивилизованном обществе это выглядит дикостью! Антисемитизм – дикость

и атавизм! Вы антисемит! Сергей Владимирович был явно ошарашен и видом Марины, и ее монологом. После ее ухода он еще помолчал мню о чем. некоторое время, а потом сказал:

- Во то-то-то-тоже. Приехала - ест, п-п-п-пьет и еще оскорбляет!

крайне раздражена

Позже выяснилось, что столь резкий выпад Марины объяснялся каким-то нелицеприятным высказыванием Сергея Владимировича во французском посольстве в адрес Лили Брик. Но происхождение синяка осталось неясным.

«ОНА СКАЗАЛА. что не любит меня...»

Все-таки больше всего на свете мне нравится писать. Только ты, перо и бумага. Никаких посредников. Ни режиссера, ни партнеров, ни драматурга. Я даже времени не замечаю, когда пишу. А пишу редко, крайне редко. Какой-то ступор овладевает мной. Ах, если бы я был графоманом! Если бы ни лня без строчки!.. Нет же, не получается. Мне обязательно нужно, чтобы кто-нибудь меня заставлял, принуждал или же я сам себя связал каким-нибудь обязательством. Жестко. Когда с Никитой работали, он не давал мне ни спуску, ни продыху. Почти каждый день собирались у него дома. И независимо от того, «шло» или «не шло», шли потом в Дом кино (старый Дом кино), который находился во дворе, под окнами. Прорывались на какую-нибудь кинопремьеру. Или же отправлялись в ресторан.

- П-п-пить идете, п-п-подонки? как-то спросил Сергей Владимирович, непонятно – всерьез или нет.

- Пап, ну что ты говоришь? Женя почти не пьет, да и я не злоупотребляю, – улыбнулся Никита.

А ты молчи. З-з-зайка-зазнайка! Зз-зайка-зазнайка! - ответил отец. Удивительным образом в Сергее Владимировиче сочетается изощренность

государственного мужа с неподдельной

детскостью натуры, звучащей в его сти-Наталья Петровна Кончаловская как-то призналась мне, что известные строчки «в этой речке утром рано утонули два барана» сама подсказала Михалкову после семейной ссоры. Наталья Петровна – мудрая женщина, человек большой культуры. Ее авторитет и для

Никиты, и для Андрона был непререка-

ем. Она многое прощала, держала се-

мью. Веровала. Царствие ей небесное! Итак, мы шли в ресторан. Рестораны Дома литераторов, Дома композиторов, Дома кино, Дома журналиста, Дома архитектора, Дома актера, Центрального Дома работников искусств, Дома ученых, «Прага», «Арагви»... И география, и биография нескольких поколений творческой интеллигенции советского времени. Материально это почти ничего не стоило. Есть трояк - и ты в полном порядке. Ну а уж с десяткой - кум королю. Можешь, как говорится, «возлежать» в отдельном кабинете. А какие люди встречались! Было что посмотреть и послушать. Как-то в «Арагви», проходя по коридору второго этажа, я услышал торжественнотревожный голос Левитана: «От Советского информбюро. Сегодня, 22 июня, немецко-фашистские войска вероломно напали...» Заглянул в приоткрытую дверь отдельного кабинета. За столом сидели маршалы и генералы во главе с Юрием Борисовичем Левитаном. Они «проходили» с легендарным диктором всю войну. По всем фронтам. С сорок первого по сорок пятый. «С победой вас, дорогие товарищи!» Полководцы слез не скрывали.

В клубных домах, в их бильярдных, в застольях лоигрывалось не сыгранное, сочинялось не сочиненное, доживалось не прожитое. Описывать же подробно всю затейливость существования этих творческих приютов вряд ли возможно. Это примерно то же самое, что вести репортаж из операционной. Для неподготовленных, для неспециавое состояние. Недаром соратник Константина Сергеевича Станиславского Леопольд Антонович Сулержицкий говорил: «Все слабости обычного человека прощу я художнику, но ни одной слабости художника не прощу я обычному человеку».

Никита позвонил ночью - Ты можешь приехать?

Что случилось? - Можешь приехать?

- Сейчас приеду. Я взял такси

- Улица Воровского.

Он жлал меня в сквере возле Театра киноактера. Растерянно, вопросительно выговорил:

ключениях можем не совпадать. К тому же я человек «отдельный». Мне всегда нужна внутренняя автономия - как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше Меня можно увлечь, но увести от себя невозможно. Где сядешь, там и слезешь. Это помимо меня происходит, свыше И даже порой к моему огорчению. Мы поругались. О чем-то спорили, не по-

- Тебе надо будет - ты и через меня переступишь, - сказал я ему. Казалось, он вжался спиной в коридорную стенку между прихожей и кабинетом Сергея Владимировича. В глазах у него слезы выступили, и он ответил:

- Переступлю!

уходил от него по улице Поварской (тогда Воровского). Я обернулся, почувствовал взгляд. Он смотрел на меня из окна, сверху, с последнего этажа... Никита позвонил через день вечером. Мы продолжали работать за монтажным столом на «Мосфильме» Заканчивали «А я уезжаю домой», его первый фильм. Но что-то надорвалось между нами. Постепенно мы отдалились. Потом его «загребли» в армию, в

морскую пехоту, на Дальний Восток. Не сразу я понял, что был не прав. Не сразу. Прошло время. Мой ортодоксальный идеализм был только преддверием. Вера еще не пришла. «Не суди и не судим будешь!» А я судил. Предъявлял жесткий счет. Особенно тем, кого любил. Прижимал к стенке. Загонял в угол. Когда пришел срок переосмыслить, я извинился перед Никитой. От-

«Рабу любви» снимали в Одессе. Я

играл Канина – звезду немого кино. Роль небольшая. Требует яркости. Когда роль идет через всю картину, есть пространство для маневра, для нюансов, штрихов, ритмических построений. Локальная роль - любовь с ервого взгляда, в ней нет места развитию. Впечатление возникает, как вспышка. Зритель сразу должен принять тебя. У Никиты существовал прототип этого персонажа, герой-любовник немого кино Витольд Полонский. А я вспомнил Слезберга, его тонкий голос. Мне хотелось несоответствия внешних данных внутреннему содержанию. Скрытой трагедии, выраженной в смешном. С таким голосом нечего делать в звуковом кино. Мой Канин понимал это, оправдывался, сочинял: «Раньше я обладал приятным баритоном... Потом простудился, пришел в кино». К тому же я сделал Канина «голубым». То была моя ироничная «месть» Виктюку, его тогда еще скрытому «гормональному» театру. Роман репетировал со мной пьесу Арбузова «Вечерний свет». Ни пьеса, ни роль мне не нравились. Роман репетировал на гастролях нашего театра во Львове и ставил палки в колеса, на съемки не отпускал. Картина стала событием. И я получил совершенно неожиданный для себя успех.

Ну что там? Шутка, импровизация. Приехал с женой на неделю в Одессу, хотел отдохнуть, заболел, слава Богу. гриппом, так и отснялся, «не приходя в сознание». Не приходя в сознание от мнительности. Нас поселили в номер, где перед нами жил Николай Пасту-хов, попавший в больницу по подозрению на холеру. Диагноз не подтвердился. Действительно, слава Богу. Так угадал я свой персонаж в изысканной обреченности уходящей России. Россия, как «великий немой», кричала глазами, звала на помощь всей пластикой века Серебряного перед восходом красной зари большевизма в новом фильме Никиты «Раба любви».

Хуже нет – работать с друзьями. Близкие отношения и производственные не всегда совместимы. У нас полу чилось. Я не потерял своего друга. Я обрел своего режиссера.

Ощущение некого единения, сочувствования никогда не покидало нас; независимо от того, вилимся чаше или реже, работаем вместе или нет, - мы не чужие друг другу. Потому злые слухи, суровые обвинения в адрес Никиты мне всегда неприятны. Не любя человека, не испытывая к нему хотя бы симпатии, ничего в нем понять нельзя. Но и вакханалия полхалимажа, зажи ющая Михалкову, также меня смущает. И то, и другое унижает моего друга. Я часто лумал: если бы соелинить воедино наши творческие качества, наши энергетические потоки, вот получился бы человечище (чуть было не написал «матерый человечище» - известное выражение Ленина). Нет. конечно же, не матерый, но, безусловно более многомерный художник. Но перст Божий распорядился иначе. Каждый из нас идет своею дорогой. И когда переплетаются в очередной раз наши векторы, мы оба чувствуем нечто необычайное: что-то высокое и трагическое, смешное и сентиментальное, парадоксальное и заветное...